

Наш собеседник — народный артист СССР Александр ОГНИВЦЕВ

— Назову нашего легендарного маршала Семена Михайловича Буденного.

Годы идут, вряд ли образ этого человека они сотрут с памяти сердца. Я счастлив, что почти четверть века встречался, общался и дружил с Семеном Михайловичем.

В 1948 году он приехал в Молдавию с правительственной делегацией. Я был студентом третьего курса Кишиневской консерватории, и мне предложили выступить на концерте в честь почетных гостей. Поначалу испугался: шутка ли, Буденный будет слушать! Однако раздумывать было нечего: коль такое доверие оказано, надо петь. Спел арию Сусанина из оперы «Иван Сусанин» и ушел за кулисы. Стою, поглядываю украдкой в сторону первого ряда на знаменитые буденновские усы. Вдруг кто-то легонько тронул за плечо: «Спойте еще что-нибудь, Семен Михайлович просит». В то время я не знал, что маршал любил русские народные песни, казачьи напевы, цыганские мелодии. Решил исполнить «Благословляю вас, леса» и «Каватину Алеко» С. Рахманинова.

После концерта меня пригласили к Буденному. «Вам надо ехать в Москву», — сказал он. «А что я там буду делать?» — спросил я. «Как что?! — недоуменно вскинул брови Буденный. — Петь будешь, работать. Как Шалаяпин говорил: пенie — не безделье, а главный смысл жизни. Вот и приезжай работать, голос у тебя есть...»

На том мы и расстались. В конце года в столице проходил смотр вокальных факультетов консерваторий страны, куда меня послали с педагогом, профессором В. Г. Долевым. Выступил я успешно и по инициативе великой русской певицы А. В. Неждановой и главного дирижера Большого театра Н. С. Голованова остался в Москве, закончив за год два последних курса консерватории. В ту пору Семен Михайлович очень часто посещал спектакли с моим участием, которые шли на сцене Большого театра и его филиала. Он любил оперы русских композиторов — Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, Мусоргского...

Встречались тогда мы с маршалом часто, едва ли не каждый понедельник — выходной день в Большом театре. Усаживая в кресло возле себя, расспрашивал обо всем так, словно не виделся год. И непременно потчевал, угощал. А любил он обыкновенную простую пищу — соленые огурчики, капусту, чеснок, пироги с грибами. «Вот, Сашенька, попробуй-ка этот наивкуснейший пирог с яблоками, а хочешь с грибами ешь... И огурец давненько на тебя посматривает... И капусту не ленись кушать... Ты такой большой. Сколько в тебе весу-то? 107 килограммов! Центнер с гаком! Вот видишь, какой ты у меня детина, так что пожалейства, не стесняйся и подкрепишься основательно».

В нем билось необыкновенной доброты сердце. Думаешь: вот как может быть прекрасен человек в искреннем соучастии, правдивости, глубокой человеческой простоте.

В минуты отдыха он брал в руки гармонь и наигрывал старинные русские и украинские мелодии, о которых я сплошь и рядом и понятия не имел. Случалось, что я и ему тихонько что-нибудь напевал, подстраиваясь под мелодию гармонии. Особенно нравилась Буденному русская народная песня «Есть на Волге утес», и пел он ее с видимым удовольствием. У него, кстати, был ровный приятный баритон, отличный слух и редкая музыкальность. Нередко и я в дни торжеств, в кругу друзей Буденного вставал в всегда расстроенного пианино и пел песни, романсы, куплеты...

Иногда записались с ним в кабинете, и Семен Михайлович, прямо-таки мастерски, в высшей степени артистично рассказывал всяческие истории из своей богатой на события жизни.

В годы дружбы с Буденным я часто выступал в концертах и спектаклях на сценах больших и малых городов мира, иногда пел перед аудиторией, большинство которой состояло из русских эмигрантов. Так было в Париже, Брюсселе, Монреале, Стамбуле...

Запомнились гастроли в Анкаре. Выхожу на сцену в местном театре. Тишина, напряженность. После испол-

богатырем русского искусства, учился у него правде, психологической убедительности в изображении на сцене своих героев. Помню, какое глубокое волнение испытал я, когда во время одной из зарубежных поездок в составе труппы Большого театра побывал у могилы Шалаяпина.

Мы приехали на парижское кладбище Батиньоль в январский морозный день. На краю

«академии музыки», каким является Большой театр, сегодня не идут многие оперные спектакли, десятилетиями составлявшие гордость русской сцены. Большой театр один на весь Союз, как Третьяковская или Эрмитаж, и ставить в нем камерные произведения, проводить эксперименты в погоне за количеством, а не качеством просто непозволительно. В искусстве надо быть очень осторожным с оценками трудов гениальных предшественников и очень благожелательным к их достижениям, приносящим людям подлинную радость.

— Чем объяснить ваши редкие выступления с сольными концертами в Москве?

— Частыми гастролью по Союзу. Что касается концертной программы, то я действительно готовлю ее очень тщательно, иногда целый год — не могу и не хочу зря, вернее, поспешно растративать накопленный материал. Считаю, что в таком случае теряется новизна, становясь чересчур обычным. Лучше меньше, да лучше — вот мой девиз. Я вообще ничего не делаю в жизни кое-как, наспех — не привык с детства. Отец с малых лет прививал любовь к труду, к людям, которые любил работать, что называется, не покладая рук.

— Вы получаете много писем. О чем пишут ваши корреспонденты?

— Люди делятся самым сокровенным, ищут ответы на разные, весьма не легкие вопросы жизни, просят поддержки, советуются, благодарят, спрашивают, как стать мастером своего дела. Словом, почта самая разнообразная. Пишут войны, студенты, рабочие, школьники, которые мечтают стать артистами. Бывают послания, суть которых сводится к следующему: нечего самому себе создавать трудности, коль можно обойтись без них. Они меня настораживают и на них я отвечаю в первую очередь. Часто приходит корреспонденция из-за рубежа. Эмигранты жалуются, вздыхают, тоскуют по Родине. Ну что им посоветовать? Я лично не представляю себя без Отчизны. Как-то уехал на гастроли в Америку месяца на два, так последние недели не знал, куда деться. Едва было не улетел в Москву раньше предусмотренного контрактом срока.

— Рассказывают, вы страстный садовод и питаете прямо-таки фанатичную любовь к деревьям, сажая и пересаживая чуть ли не ежегодно на даче и вокруг нее десятки молодых яблонь, лип...

— Представляете, пройдут годы, нас с вами уже не будет, а дубы и клены будут шуметь, радовать глаз мощью и красотой. Мне очень хочется, чтобы люди берегли наши лесные богатства. Я считаю естественным массовую рубку елок под Новый год. Подумать только, сколько миллионов молодых деревьев гибнет ежегодно!

— Последний вопрос: над чем сейчас вы работаете, что нового в планах?

— Готовлю к выпуску альбом пластинок. Труд этот адски сложен. Уже записал одну с произведениями современных композиторов, готовлю вторую, где преобладают романсы на музыку Кюи, Мусоргского, Балакирева, Бородин, Римского - Корсакова... Третья пластинка будет содержать западную классику — произведения Генделя, Баха, Гунно, Брамса, Дебюсси, Равеля... Только в трех дисках наберется почти 50 (!) произведений. Устаю ужасно, и времени, как обычно, не хватает. На телевидении недавно была запись концерта, вероятно, еще придется сниматься... Планирую гастроль по стране...

Если говорить о перспективе, думаю много над тем, как помочь талантливой молодежи.

Думаю, что каждый из нас оставляет себя не только в своих делах — в людях. И ради этого стоит потрудиться, не жалея сил — и времени...

Беседу вел
Ю.БЕСПАЛОВ.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Наверное, читателям не надо особо представлять Александра Павловича Огнивцева. Его имя знают, замечательный голос слышали и слышат миллионы людей... Но мало кому известно, что Александр Огнивцев был долгое время связан дружбой с одним из выдающихся полководцев гражданской войны, что он учился в одной школе с молодоговардейцами...

Поэтому наша беседа с ним началась с просьбы рассказать об этих встречах, о том, что они значат в его судьбе.

Вспомнил три-четыре произведения на музыку Шумана, Листа, Бетховена в зале гаснет свет. На ролях ставят две свечи. Они едва освещают ноты... Концерт продолжается. Пою «Эй, ухнем», «Дубинушку», «Ноченьку». Слышу, зал ожил. В темноте все-таки различаю лица людей, столпившихся у самой сцены. Послышались аплодисменты. Кто-то ждал руку, просил исполнить «Не пой, красавица, при мне». Я стал петь все, что просили.

Вдруг свет появился. Я никогда не видел такой взволнованной публики. После концерта моя артистическая уборная не могла вместить всех желающих.

Известие о смерти Буденного застало меня в Италии, где на сцене миланского «Ла Скала» проходили гастроль оперной труппы Большого театра. Диктор телевидения ровным, безучастным голосом рассказывал краткую биографию маршала, перечислял ордена, которыми он был награжден, называл имена, даты, фамилии... Но он не сказал главного — кем был для советских людей Семен Михайлович Буденный, чья жизнь являла собой живую летопись революционного Отечества, подвиг во имя счастья народа, которому он беззаветно служил.

Заметный след в памяти оставили и встречи с семьей Федора Ивановича Шалаяпина. Я хорошо был знаком с его женой Иолой Игнатьевной Торнаги (она скончалась не так давно) и сыном Борисом, дочерью Ириной, Мариной, которые относились ко мне всегда тепло. Всякий раз, когда бываю в Италии, Франции, я знаю: предстоит очередная незабываемая встреча с детьми Шалаяпина. Кстати, Борис скоро должен приехать в Москву. В моей квартире немало подарков от семьи Федора Ивановича — память о великом певце.

— Насколько известно, вы очень любите Шалаяпина и часто о нем думаете, размышляете о его судьбе.

— Да, это так. Певец еще при жизни был легендой. Незаурядная личность Шалаяпина, его огромный талант поражают и поныне мое воображение. Шалаяпин мог появиться только в России. Это русский, насквозь русский талант, который мог произрасти и расцвести лишь на родной почве. Он подлинно национальный художник. В моей жизни Федор Иванович сыграл видную роль. Я всегда преклонялся перед ним, артистом и человеком,

заснеженной аллеи увидел большую плиту розового мрамора. На ней подпись: «Здесь покоится Федор Шалаяпин — гениальный сын земли русской». А на мраморе — живые гвоздики, тюльпаны, розы...

— Александр Павлович, говорят, вы «невероятный» мечтатель и к тому же фантазер?

— А что тут плохого? Человек, не умеющий мечтать, разве может создать что-нибудь значительное? Не может! Жизнь проверено, а она — самый лучший барометр. Давно хочу спеть Дон Кихота в одноименной опере Массне, но личное желание не всегда совпадает с желанием дирекции театра. Дисциплина и ответственность — вот качества, которые я особенно ценю в людях. На любой обстановке, на любом месте. Еще в школе, в той самой краснойдонской школе имени Горького, где учились герои-молодогвардейцы, мне прививали эти качества.

— Значит, вы знали лично героев «Молодой гвардии»?

— Знал, но не всех. Когда я жил в Краснодоне — в 1932—1936 годах, Олега Кошевого, например, там не было; он приехал в 1940 году, а мы тогда уже жили в Барнауле, куда перевели на работу моего отца, машиниста паровозного депо. А вернулся я в Донбасс лишь в 1943 году, когда мы там восстанавливали связь. О делах подполья рассказав мне друг детства Иван Туркенич.

— Иногда приходится слышать, что классическая опера как жанр уходит в прошлое. Новому времени — новые песни...

— Совершенно очевидно — классика несет в себе огромные ценности не только музыкального наследия, но и морально-этического и социального характера. Замечу, кстати, что ни один самый талантливый артист без классики не вырабатывает профессионального мастерства и современного мышления, не научится анализу стоящих перед ним задач. Скажу, что касается и оперы. Не секрет: любое удачное сценическое решение классики укрепляет гражданственность позиций театра, создает его авторитет, воспитывает вкус у тех, кто составляет его зрительскую аудиторию. И мне как оперному певцу хотелось бы, чтобы в афише крупнейших оперных театров страны были выдающиеся произведения Верди, Бизе, Моцарта и главным образом русских композиторов — Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Рубинштейна... Даже в такой